

С КОНЦЕРТАМИ ПО ЯПОНИИ

Игорь БЕЗРОДНЫЙ

Я БЫВАЛ во многих странах, и всюду советского скрипача принимали хорошо и приветливо. Но на аэродроме в Токио я почувствовал особенный интерес и внимание к нашей стране. Советских музыкантов встречали видные деятели культуры, композиторы, артисты и множество журналистов, фотокорреспондентов и кинооператоров.

На следующий день в отеле «Кокусай Канко» состоялась пресс-конференция, на которую явились представители всех токийских газет и радиокompаний. Их вопросы свидетельствовали о том, что японские журналисты в общем хорошо осведомлены о культурной жизни Советского Союза. Они подробно интересовались системой музыкального образования и материальным положением советских музыкантов. Во время нашего пребывания печатя и радио публиковали точные, добросовестные отчеты, написанные в благожелательном духе.

Пригласившая нас фирма Арт френдс ассосийэшн устроила большой прием, где мне удалось познакомиться с очень интересными людьми, в том числе со старейшим и широко известным композитором Ямада. На Дальнем Востоке он пользуется примерно такой же славой, как Сибелиус в Европе. Маститый композитор и сейчас еще много работает, он — автор прекрасных произведений, основывающихся на народной музыке.

Яркую самобытность личности Ямада я по-настоящему оценил во время нашей последней встречи перед отъездом. Он говорил о философии искусства, о дружбе людей, занимающихся искусством:

— Нужно размышлять, философствовать! Да, не следует бояться этого слова. На людях искусства лежит большая ответственность за формирование души человека, и они должны стараться быть достойными этой миссии.

Мечта всей жизни Ямада — построить в Токио Дворец искусств. Впрочем, это уже не мечта, а скорее проект, поскольку имеются и эскизы этого громадного сооружения. В нем будут концертные залы и клубы деятелей искусств.

Музыкант не должен замыкаться в своем творчестве. Ямада хотел бы возродить старую традицию содружества композиторов, которая, как он считает, принесла в прошлом богатые плоды. В качестве примера он упомянул нашу русскую «Могучую кучку».

Тут же, при Дворце искусств, ему хочется создать нечто вроде пансиона для музыкантов, «в котором каждый мог бы оставаться в одиночестве и спокойно предаваться размышлениям».

Не берусь судить, насколько реален и близок к выполнению проект Ямада. Но пусть не покажется он наивным. Творчество требует раздумий и сосредоточенности. И когда удастся создать подходящую обстановку, это, как правило, благотворно отражается на деятельности людей искусства.

Ямада, видимо, не одинок в своем понимании целей искусства. В старинном городе Мацумото, где нет ни одного европейского дома, ни одной оборудованной на европейский лад гостиницы, где все сохранило национальный облик, живет другой видный музыкальный деятель — Сузуки. Во многих городах страны он создал скрипичные школы. В них учатся свыше двух тысяч детей от 3 до 16 лет. Ежегодно из них формируется громадный ансамбль, примерно тысячи в полторы ребят. Они съезжаются в Токио, чтобы окончательно сыграть и затем выступить публично.

Я знакомился с системой обучения в школах Сузуки, присутствовал на репетиции ансамбля в Токио. Система обучения разумна и, очевидно, способна вызвать у детей интерес. Ребенок 4—5 лет

уже играет, именно играет по-настоящему.

Теперь представьте себе громадный спортивный зал, арена которого занята стройными рядами маленьких скрипачей. Они исполняют большие, серьезные вещи: Баха, Моцарта, Генделя. Гигантский оркестр звучит стройно и музыкально. И невольно волнуется сердце музыканта, когда в первом ряду он видит крохотных, изящных как фарфоровые куколки, малышей лет четырех, которые сосредоточенно и неутомимо водят смычком...

Мелькала мысль: не вундеркиндов ли готовит Сузуки? Мне разъяснили: нет, Сузуки не гонится за тем, чтобы сделать из своих учеников заправских музыкантов. Но он считает, что музыке следовало бы учить каждого ребенка. Это повысит его интеллектуальный уровень, сыграет положительную роль в формировании духовных качеств человека.

...Мы путешествовали из города в город. Калейдоскопически сменялись ландшафты. Одни — словно тысячекратно увеличенные гравюры Хокусаи, другие — подобие западноевропейских фабричных предместий. Принимали нас повсюду очень тепло; до онемения пальцев приходилось подписывать автографы — и элегантным дамам в сногсшибательных кимоно, просившим расписаться на раздушенной нейлоновой перчатке, и рабочим парням, смуглой, крепкой рукой протягивавшим нам программу концерта. Мода на автографы чрезвычайно распространена в Японии.

Все вновь и вновь убеждался я в хорошем музыкальном вкусе японской публики. Впрочем, вернее будет говорить не о «публике» в театральном смысле, а о народе, так как состав наших слушателей был чрезвычайно широк и разнообразен.

Высокую музыкальную культуру японцев я ощутил сразу же, на первом концерте. С огромным вниманием и пониманием была воспринята довольно сложная программа. После этого я выступил с оркестром по телевидению. Программа — концерт для скрипки с оркестром ми-мажор и «Чаконна» Баха, составленная самими учителями передачи — свидетель-